однако, что стереотип свободной гобийской женщины является отчасти следствием указанных в статье процессов.

[12] *Lowie R. H.* Primitive society. N. Y., 1920.

[13] *Smith R. T.* The Negro family in British Guiana. L., 1956; *eadem.* The matrifocal family // The character of kinship / ed. J. Goody. Cambrige, 1973.

Matrilinearity in Patrilineal Society? The Cases of kinship System Change Among the Mongols

It is a standard view to see the Mongols as a vivid case of patrilocal and patrilineal society with Omaha type kinship terminology. Basing on his fieldwork during the 1970s, the author documents some deviations from this system, probably local and temporal, which he interpretes as an initial phase of matrilinearity.

The interpretation is based on the data from a Middle Gobi Mongol isolate of the late XIXth century, and the change towards matrilinearity is explained as a consequence if the marriage pool constriction, due to celibacy among Lamaist monks, which constituted almost 40 per cent of the male population.

S. Shinkevich

© 1994 г., ЭО, № 6

И. И. Меликофф

ЦВЕТОК СТРАДАНИЯ: О СИМВОЛИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ СЛОВА «ЛАЛЭ» В ТУРЕЦКО-ПЕРСИДСКОЙ МИСТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ [1]

С тех пор, как на Западе возник интерес к восточной литературе, европейскому читателю стали привычны условные образы классической поэзии Персии и Турции — такие, как роза, соловей или тюльпан, с которым сравнивается румянец любимого существа. Эти образы в четверостишиях Омара Хайяма или в газелях Хафиза столь стереотипны, что читатель не задумывается о точном их смысле. Персидское *лалэ* всегда переводится словом «тюльпан». Вот известные стихи Омара Хайяма:

Прекрасен я: мой лик подобен тюльпану,
мой стан — кипарису,
но не понять мне: на сей земле погибели
зачем разукрасил меня Живописец Вечный?

И еще у Хафиза:

Когда Солнце расточало по небосклону вино из кубка своего,
на ланитах виночерпия расцвели тысячи тюльпанов [2].

Однако я не раз сомневалась в точности этого перевода. Впервые случилось это в Смирне. Весна наступила, луга были усеяны яркокрасными анемонами. Мне сказали, что они называются *лалэ*. Когда я выразила удивление, мне пояснили, что тюльпан — это выращенный лалэ, а анемона — дикий сорт лалэ. Объяснение меня не удовлетворило, так как тюльпан принадлежит к семейству лилейных, а анемона — лютиковых. Я решила, что это народное истолкование, и не придала ему значения.

Затем я столкнулась с этим вопросом, читая «Историю турецкой литературы» А. Бомбачи. Автор приводит стихи чагатайского поэта XV в. Лютфи Херати:

Стыдно тюльпану, что он заимствовал цвет лица твоего,
не явится он в городе, если не свяжут ему шею...

Ученый объясняет, что тюльпаны считались на Востоке дикими цветами, их, связывали в пучки, когда привозили в город [3]. Тюльпан происходит, конечно, от дикого растения, но я была уверена, что его нельзя причислять к диким цветам. Своеобразие его в том, что головка его не склоняется к земле, а твердо стоит на стебле. Бомбачи, по-видимому, тоже был в затруднении, не случайно он дважды в своем труде внес примечания, относящиеся к слову лалэ.

В «Воспоминаниях» покорителя Индии Бабура также есть это слово: «На пригорках цвели тюльпаны разных видов и оттенков. Однажды я велел сосчитать, сколько среди них сортов. Оказалось 33 или 34 сорта, и все разные. Один из них был душистым, напоминал красную розу. Я его назвал „Тюльпаном с запахом розы"» [4].

Не встретив ни разу душистого тюльпана, я решила прояснить для себя и смысл термина лалэ, и историю тюльпана. Исследование привело меня к неожиданным результатам. Я смирилась с душистым лалэ Бабура, который, наверно, был действительно тюльпаном suave olens, предком тюльпана *Ван Толь*. Он первоначально рос в прикаспийских, донских и крымских степях; цветы его — белые и красные, стебель — короткий. Тюльпан Ван Толь ярко-красного цвета с желтой каемкой [5].

Интересны сведения персидских словарей. В «Бурхан-и Кати» сказано: Лалэ — «цветок, растущий самопроизвольно (ход ру руйендэ)», т. е. дикий цветок [6].

То же определение читаем и в персидско-латинском лексиконе Вуллерса: Лалэ 1. Общий смысл: 'любой дикорастущий цветок'; 2. Красный цветок с черной сердцевиной — мак, *лалэ-и ну'ман* 'анемон'; 3. Тюльпан [7].

Персидско-французский словарь Демезона, повторяя определения Вуллерса, не упоминает, однако, значения 'мак', а приводит еще словосочетание *лалэ-и шакаййик* 'вид анемоны' [8].

Арабское *шака'ик* (ед. ч. *шакика*) имеет примерно то же значение, что персидское лалэ. *Шака'ик-эл-ну'ман* — название полевого красного мака. *Лалэ-и шака'ик* тоже обозначает 'мак', как у Хафиза:

Эй гол то душ даг-е шубухи кешиде'и
ма ан шака'иким ке ба даг заде'им [9].

«О Роза, вчера тебя прижгло клеймом страдание от ожидания утреннего вина,
Мы же — мак, родившийся от ожога страдания».

Самые точные сведения мы находим в персидском энциклопедическом словаре, который издал Деххода: название лалэ применяется к разным цветам, и только прилагательные точно определяют вид растения: *Лалэ-и кухи* горный лалэ (также *лалэ-и дил-сухте* 'лалэ с обожженным сердцем') 'мак'; Лалэ-и шака'ик 'мак'; Лалэ-и ну'ман 'анемона' и т. д. [10].

Общий смысл слова лалэ — название чашеобразного красного цветка, чаще всего мака, разных маковых и красной полевой анемоны. По-видимому, в разговорном языке смешивались названия мака (лалэ-и шака'ик) и анемоны (лалэ-и ну'ман): оба цветка были весенними полевыми цветами, красными с черной — напоминающей ожег — сердцевиной. Эту неясность можно объяснить влиянием античного мира: арабское *ну'ман* родственно греческому *анемонэ* (цветок, порожденный кровью Адониса). Деххода сопоставляет культ Адониса с легендой о Сийавуше, убитом по приказанию туранского шаха Афрасийаба [11]. Он предполагает, что слово лалэ 'красный полевой цветок' связано с прилагательным *лал* (более ранняя форма — *ла'л*) 'красный', а также 'гранатовый', 'рубиновый' [12]. Рядом с лалэ в разговорной речи и в иранских диалектах существует форма *алалэ* [13], которую можно сблизить с перс. *ал* 'красный', 'алый', перешедшим в турецкий язык [14].

У Деххода лалэ — не тюльпан. Но когда тюльпан, заимствованный Европой с Востока, вернулся в восточные страны, ему дали название *лалэ-и фиренги* — «европейский лалэ» [15].

Турецкие словари, используя материал персидских словарей, приводят примерно те же значения.

В турецко-арабско-персидском словаре Ценкера слово лалэ разъясняется так: 1) тюльпан; 2) *лалэ-и дашти* (полевой, дикий лалэ) анемона [16].

Барбье де Менар [17] дает сначала значение «тюльпан», а затем перечисляет названия нескольких дикорастущих цветов, в том числе и *гирид лалэси* («критский лалэ»), т. е. 'пион'.

Наконец, в турецко-английском лексиконе Редхауса можно прочитать следующее: Лалэ 1) тюльпан; 2) разные цветы яркого цвета — такие, как мак (*лалэ-и шака'и* или лалэ-и ну'ман) [18].

Из всего сказанного следует, что *лалэ* — имеет первоначальное общее значение 'дикий цветок', тогда как *голь* — название культивированного цветка, садового цветка.

Смысл слова голь с течением времени, изменился: первоначально оно означало любой культивированный цветок, но постепенно стало связанным лишь с одним видом культивированных цветов — розой. Таким же образом и слово *лалэ* 'дикий цветок' приобрело более узкое значение 'дикий цветок красного цвета' (наверно, из-за сходства между словом *лалэ* и прилагательными *лал* и *ал*), а позднее стало обозначать лишь 'мак' — первый весенний цветок (*пиш ру-э рийахин*) и 'красную полевую анемону' — тоже весенний цветок, связанный, возможно, с мифом Адониса.

В конечном итоге *лалэ* стал названием тюльпана. Последнее значение укрепилось в Турции в эпоху увлечения тюльпанами (XVII в.— в. Европе, XVIII в. в Османской империи). У персидских и турецких поэтов, переведенных на западные языки сравнительно поздно, словно лалэ почти всегда обозначает тюльпан, и переводчики, естественно, так и передают его. Тюльпан постепенно становится типичным образом, выражающим румянец и свежесть лица любимого.

Названия тюльпана в западных языках (нем. *tulpe*, англ. *tulip*, итал. *tulipano*, русск. *тюльпан*, фр. *tulipe*) происходят от тур. *тюльбенд лалэси* «тюрбанообразный цветок». Персидский тюльбенд, перешедший в турецкий язык, первоначально обозначал кисею, из которой делали тюрбан, а затем и сам тюрбан [19]. Среди придворных Султана был *тюльбенд агасы*, должность которого состояла в уходе за султанскими тюрбанами [20].

Итак, когда в XVI в. западные ботаники стали интересоваться тюльпанами, в турецком языке не существовало еще точного названия, определяющего тюльпан. Это просто был вид лалэ, напоминающий тюрбан. Когда же тюльпан снова появился на Востоке, его стали называть — как и отмечает Деххода — лалэ-и фиренги 'европейский лалэ'.

Тюльпаны стали разводить в Турции в XVI в. Они быстро вошли в моду. Их изображали на тканях, фаянсовых изразцах, глиняной посуде [21]. В то время мода на тюльпаны не достигла еще того разгара, который приходится на XVIII в., когда название тюльпанов стало наименованием целой эпохи османской истории. Тем не менее в 1558—1559 гг. эти цветы привлекли внимание посла императора Фердинанда II Габсбургского (1503—1564) — Ожье Гислена де Бусбека; именно он ввел культуру тюльпанов в Вене. К 1570 г. тюльпаны распространились по всей Европе благодаря французскому ботанику Каролусу Клузиусу, заведовавшему кафедрой ботаники при Лейденском университете. Зажиточные жители Амстердама начали заказывать луковицы непосредственно на Востоке, и таким образом дали новый толчок моде на тюльпаны. Страсть к тюльпанам быстро возросла в XVII в. Центром выращивания осталась Голландия, но тюльпаномания охватила и Францию, и Англию, и весь западный мир. Благодаря тюльпанам создавались колоссальные состояния, но и разорялись знатные семьи; шла необузданная спекуляция. Правительствам пришлось издавать законы и назначать особых служащих, ко-

торые должны были приводить в порядок новый вид торговли. Увлечение этим цветком описал французский писатель Ля Брюйер в своих «Характерах».

Самые бессмысленные формы тюльпаномания приобрела в Турции. Мода на тюльпаны была оживлена там в XVII в. австрийским послом Шмидтом Хорном. При Ахмете III (1703—1730) новая мода дошла до безумия. В первой половине XVIII в.— одного из самых блестящих периодов Османской империи, увлечение тюльпанами привело к возникновению новой архитектуры, образцом которой является изящная Лалэ-Джами'и (Мечеть Тюльпанов) в Стамбуле, а также нового стиля в искусстве — османского барокко, в котором сплетаются элементы французского рококо и чисто турецкие черты; возникла и новая литература, начало которой положил поэт Недим.

Не будем останавливаться на многочисленных описаниях этой блестящей поры. Тюльпанами были усеяны все сады, и ко времени цветения их устраивались ночные празднества с катанием по Босфору и иллюминациями. Черепахи семенили между клумбами цветов с огоньками на спине. Особенно ярко выделялся в эти незабываемые ночи дворец Джераган, в садах которого под каждым тюльпаном горела свечечка, отчего он назывался «Дворцом Свеч». Главным вдохновителем новой моды был зять Султана, Великий Визир Ибрахим Паша. Увлечение тюльпанами как-то удаляло на задний план военные поражения, все более трудную жизнь и вообще упадок империи. Блестящая пора внезапно прекратилась 28 сентября 1730 г., когда султан был свергнут с престола, а Великий Визир убит. Остались многочисленные рукописи под названием *Лалэнаме* — «Книги о тюльпанах», в которых перечислялись и описывались все известные сорта тюльпанов с указанием их владельцев. Они были обычно разукрашены миниатюрами, воспроизводящими формы и цвета самых красивых сортов тюльпанов [22].

Народная фантазия объясняет страсть к тюльпанам фонетическим составом слова *лалэ*; в нем находятся буквы, составляющие имя Аллаха; *лалэ* — анаграмма божественного имени. Поэтому тюльпаны являются нередким орнаментом мечетей, фонтанов и надгробий. Это объяснение не раз встречается в турецких учебниках и энциклопедиях по искусствоведению и даже по истории. Это несомненно народное и позднее истолкование, вдохновленное исламом. Объяснение подобного рода мы находим в рассказах о мечети Селимийе в Андрианополе, в которой кафедра муэдзина стоит на тюльпанообразных мраморных колоннах. По местному преданию, мастер объяснил: если читать слово *лалэ* в обратную сторону, то получается *хилал* — «месяц», т. е. символ Османской империи [23]. Все эти толкования восходят к эпохе тюльпанов, когда слово *лалэ* утрачивало свой широкий смысл и приобретало более узкое значение — 'тюльпан'. Интересно, что, когда *лалэ* стало названием тюльпана, мак приобрел живописное народное название гелинджик — 'невесточка'.

Вместе с тем в персидско-турецкой литературе сохранились прежние значения слова *лалэ* ('дикий цветок', а затем 'красный дикий цветок' — анемона или мак). В персидских традициях мак — символ весны, и поэтому он занимает особое место в литературе и устной словесности.

Алый цвет и черная, будто обожженная, сердцевина предопределили значение мака как символа страдания. Яркокрасный венчик его подобен кровавой ране. Поле битвы, покрытое телами убитых, сравнивается с полем, усеянным маками. В «Шахнаме» Фирдоуси мы читаем:

Бийабан джо дерйа-е хун шод дорост
то гофти зе руй-е земин лалэ рост.
«Поле превратилось в море крови,
словно земля покрылась маками».
Земин сер бесер хасте ю кюште шод
вейа лалэ и за'фран рюсте шод [24].
«Земля покрыта убитыми и ранеными,
будто она усеяна маками и шафрановыми цветами».

От цвета мака возникло прилагательное *лалэгюн* ‘цвета лалэ’, ‘цвета крови’. Так, в шиитских преданиях говорится, что поле Кербалы, орошенное кровью мучеников, стало лалэгюн ‘красным, как мак’. «Цветок страдания» — распространенная метафора народной иранской фольклорной и литературной традиции: из слез изгнанного из рая Адама возникли лалэ [25]. Из крови убитого Афрасийабом Сийавуша также вырастают лалэ [26].

По народному шиитскому преданию, Пророк, видя с небесной высоты в ночь Михраджа, как алеет поле Кербалы от крови мучеников, проронил две слезы: слеза из правого глаза упала на землю и превратилась в лалэ [27].

Лалэ занимает важнейшее место в аллегорическом романе «Лейла и Меджнун», через который этот цветок, вероятно, и вошел в мистическую поэзию. В этом известнейшем на всем мусульманском Востоке романе кровавые слезы, пролитые Меджнуном, уподобляются маку. Например, в персидской версии Амир-е Хосрау (ум. 1325) читаем:

Меджнун зе серешк лалэ ми сахт [28].
«Из слез Меджнуна вырастали маки».

Мак стал олицетворением Меджнуна. В мистической поэзии Персии и Турции слово лалэ связано с героем — прообразом мистического Любовника. Приведу еще один стих Амир-е Хосрау, где мак изображает укрывшегося в горах скорбящего Меджнуна:

Гофта ки «мериз сейл-е ендух
кан лалэ хошаст бер сер-е кух» [29].
«Он сказал: не давай волю потоку горя твоего,
ибо счастлив мак сей в горах».

В турецком варианте Фузули Меджнун делится своим горем с маками: «Печальный Меджнун встал и вышел в поле... то рассказывая растениям о своем горе, то умоляя маки... Видя в маке символ любовников, он целовал стебель цветка, прижимал к глазам его венчик, подобный алой ране» [30].

«...Меджнун снял с себя платье макового цвета, единственной одеждой стали теперь ему кровавые слезы» [31].

У Фузули персидское слово *лалэзар* ‘цветник, поле лалэ’ приобретает значение «страдание»:

Не гюлден ола бу лалэзарун [32]
«Какая же роза причинила тебе столько страдания?»
Даг-и гам-и ашк лалэзари [33]
«Страдание от раны любви»

Получив связь с образом Меджнуна, мак вступил в мистическую поэзию Ближнего Востока. Вот два отрывка из «Дивана» Баки (1526—1600):

Бир паре йашим тазеледи вади-и дерди
Меджнун гидели лалэ-и михнет сола йазди [34],
«Долину страдания оживили слезы мои,
ибо отцвели маки страдания по уходе Меджнуна».
Гёнюл джам-и лебинде аваре дюшмюшдюр...
гам-и халинле йаниб лалэлер кухсаре дюшмюшдюр [35]
«О виночерпий, сердце мое, опьяненное от кубка вина, стало странствующим дервишем, обожженное страданием, оно, словно мак, скрылось в горах».

В последнем двустишии угадывается намек на образ Меджнуна, скрывшегося в горах от испепеляющей страсти к Божеству.

Тот же смысл слова *лалэ* встречается в стихах Ашика Сафдери, поэта-бекташи прошлого века:

Лалэ-и ашки такин Меджнун гиби сахрайи бул,
гел берю Лейла йюзюнден Хазрет-и Мевлайи бул [36]

«Как Меджнун, уходи в пустыню, разыскивай мак любви,
от лика Лейлы стремись к своему Богу».

Османский поэт Шейх Галиб (1757—1798), дервиш-мевлеви, занявший должность шейха Мевлевихане в Галате, написал роман «Хюсн ве Ашк», в котором чувствуется влияние «Лейлы и Меджнуна». Этот роман в аллегорической форме рассказывает об узах, связывающих изначально человеческую душу и Божество. Автор описывает общину дервишей Бени Мухаббет «Сыны любви»:

Амма не кабиле, кибле-и дерд...
гийдиклери афитаб-и теммуз
ичтиклери шу'ле-и джихансуэ...
даг-и гамы гюлфешан санырлар...
девширдиги лалэ кендю дагы... [37]

«Но то была не община, а *кибла* страдания...
одеянием их было июльское солнце,
утоляло жажду их палящее мир пламя...
цветы их расцветали на горе страдания...
собирали они — словно маки — раны свои...»

Мы видим, что символика, соединенная с диким цветком *лалэ*, многообразна. *Лалэ* — это не только общий символ страдания, ран, смерти, но также и символ истерзанного муками сердца, стремящегося к единению с любимым существом — Божеством.

Вот стих Баки, в котором мак символизирует окровавленное сердце. Автор ссылается на роман «Фархад и Ширин», самая известная редакция принадлежит перу чагатайского поэта Алишера Навои (1441—1501), бывшего членом братства дервишей Накшбенди [38]:

Нумуне гонджа-и гюлшен леб-и ренгин-и Ширине
нишане лалэ-и сахра дил-и хунин-и Ферхаде [39]

«Розанчик в розовой роще напоминает цвет уст Ширин,
Мак же в пустыне — окровавленное сердце Фархада».

Связанный с образом Меджнуна и, следовательно, со всеми мистическими любовниками, мак остался в турецкой литературе символом уязвленного любовью к Божеству сердца. Вот еще отрывки из произведений двух поэтов XVI в. У Шейх-уль Ислама Йахйа читаем:

Йахйа ко дили парелесин лалэ сифат йар
гюлзар-и джамин ревнакидур калв-и фигарин [40]

«О, Йахйа, позволь другу рвать сердце твое, как рвут маки,
чтоб оно стало украшением розовой рощи страдания».

Фигани, трагически погибший поэт эпохи Сулеймана Великолепного, пишет:

Йеле верюрсе бад-и эджель гер гуварумуз
Хаджет-гех-и нишан ола сенг-и мезарумуз
Баг-и тенюмде хер бир элиф бир нихал-и серв
Бу канлу кара дюгюн лалэзарумуз [41].

«Когда смерть рассыплет прах наш по ветру,
гробовой камень сохранит память о месте нашего страдания.

В саду тела моего каждый *элиф* — юный кипарис,
а сей мрачный кровавый пир — поле наше, усеянное маками».

В другой газели Фигани пишет:

Лалэзар этдюм гёзюм йашийла баг-и алеми [42]
«Слезами глаз моих сад мира превратился в маковое поле»

Мак как символ сердца, обожженного огнем любви [43], в персидской поэзии иногда сочетается с образами, связанными с религией Зороастра, как, например, у Хафиза:

Бе баг тазе кон айин-е дин-е Зердушти
конун ки лалэ верафрухт атеш-е Немруд [44]

«Возобнови в саду обряд религии Зороастра,
ибо маком зажжен уже огонь Немруда»

Не ин заман дел-е Хафиз дер атеш-е хевесест
ке дагдар-е езел хемджу лалэ-йе ходруст [45]

«Не с сего часа сердца Хафиза горит пламенем желания,
с предвечных времен на нем ожог, подобный маку».

В турецкой литературе мак также иногда упоминается в связи с образами, взятыми из немусульманских религиозных традиций. Привожу стихи турецкого поэта Рушени, скончавшегося в Табризе в 1487, основателя ордена дервишей, близкого к дервишам Халвети:

Лалэ бензерки гюл-и руйуна индирмеди башы
Муг-и Хинду гиби йанды карариб ичи ташы [46].

«Мак не пожелал, кажется, преклонить голову перед розой,
поэтому он сгорел, как Индийский Маг, весь почернев».

Мак не только цветок страдания; он также цветок смерти, растущий на могилах. Турецкий поэт-мистик Ахи (ум. 1517) восклицает:

Сачларин чёзсюн булутлар ра'д килсун налелер
Хашре дек Йансун йакилсун кабрим юзре лалелер [47].

«Пусть распускают облака волосы свои, пусть раздаются вздохи громовые,
До Страшнего Суда пусть горят маки на могиле моей».

Фигани, казненный в возрасте 27 лет по приказанию Великого Визира Ибрахима Паши, часто использует образ смертного цветка:

Эй, лалэ, джамун ким йуди кана
гёрейим ани канлу кефенде [48].

«О мак, кто же омыл твою чашу кровью?
Узнаю ли я, кто, когда ты стянешь на мне свой кровавый саван?»

Не зыба верд-и ра'насын ве не ширин дехенсин сен
Бени Ферхад эден кух-и белалар ичре сенсин сен
Ölюрсем хазрет-и ла'л-и леб-и ганане иле гер
Бана эй лалэ-и хамра'агеб хунын кефенсин сен [49].

«О ты, чьи ланиты прекрасны, как лепестки цветов, чьи уста так сладки,
ты превратила меня в бродящего на горе страдания Фархада.
Если суждено мне умереть от томления, от желания рубиновых уст Возлюбленной,
алый мак, моим кровавым саваном будешь ты!»

Мысль о смерти приводит к мысли о возрождении, или скорее о мистическом

рождении, о посвящении. В хадисе, широко известном среди мистиков Турции, сказано:

«Умрите до своей смерти! (Му ту кабл ан тамуту)» [50].

Посвящение — одна из главных и постоянных идей в мистической поэзии. Чтобы выразить эту идею образами, широко используется противопоставление садового цветка розы (*голь*) и дикого цветка *лалэ*.

Это противопоставление ярко выражено в аллегорическом романе «Лейла и Меджнун». Бедуинская легенда, прославляющая идеальную любовь, стала известна в персидской литературе благодаря поэме Низами, а затем — ее турецкой версии Фузули, написанной в первой половине XVI в. В романе представлена любовь Лейлы (Божества) и Меджнуна — человеческой души, обезумевшей от стремления к Божеству, с которым она сможет соединиться только после смерти. Безумие или опьянение Любовника означает отвержение Разума, препятствующего Вере и Единению. Фузули пишет:

«Один лишь лепесток лалэ, унесенный ветром, есть доказательство хрупкости разума (Йелде берг-и лалэ тек тёмкин-и даниш би себат)» [51].

Когда влюбленные в конце поэмы находят друг друга в пустыне, они призывают смерть, только через которую они достигнут Единения. Вот какими словами Фузули описывает кончину Лейлы:

«Зима разоряющей рукой прекратила цветение розовой рощи...
Роза и лалэ потухли, словно лампы; буря обвила сад мраком.
Страшась бушующей грозы, роза сняла праздничное платье с сада,
а лалэ, боясь взрывов бурного ветра, унес в горы свое рубиновое одеяние» [52].

То же противопоставление садового и дикого цветов мы находим в стихах турецкого поэта XV в. Неджати (ум. 1509):

«Не пустили лалэ на пир розы, ибо он нездешний: чужой он царству сада».

Ташрадан гелди джемен сахнине бигане дейю
девр-и гюл сохбетине лалэйи илетмедилер [53].

Я попыталась собрать стихи поэтов-мистиков, посвященные инициации, в которых встречается термин лалэ. Их очень много, они так выразительны, что трудно выделить кого-либо из поэтов. Я приведу строки, в которых особенно ярко представлено такое символическое значение лалэ.

У Баки читаем:

Гюл гиби олмак дилерсен шад у хуррем эй гёнюл
лалэ веш элден дюшюрме гами бир дем ей гёнюл [54].

«О сердце мое! Хочешь быть веселым и радостным, как роза,
Не подражай лалэ: не выпускай кубок из рук твоих, о сердце!»

Невбахар олди гелин 'азм-и гюлистан эделим
аджалим гонга-и калби гюл-и хандан эделим
комайип лалэ гиби елден айаги бир дем
мест олуп гонга шифат джак-и гирибан эделим [55].

«Наступает весна; пойдем полюбуемся розовым садом,
пусть наше сердце расцветает, как роза,
не будем подражать маку: не выпустим мы кубок из рук,
но, подобно бутону розы, напьемся допьяна, разорвем наши одежды».

Вот еще стих поэта первой половины XV в. Шейхи:

Гетюр сефа иле Шейхи шерав-и гюл-гуни
ки лалз гонли гиби хатирим мукеддердюр [56].
«О Шейхи, дай мне безмятежность вина цвета розы,
ибо разум наш, подобно лалэ, страдает».

В этих стихах вино является символом Веры, кубок, т. е. Сердце посвященного — средоточием мистического знания, опьянение — первым шагом к познанию, и мы снова встречаем образ розы, противопоставленной маку. Роза означает сердце, наполненное благодатью.

Роза занимает видное место не только в мистической поэзии, но и в мусульманском искусстве: *Верд-и Мухаммеди* (Роза Мухаммеда) часто изображена на стенах мечетей, в религиозной живописи, в каллиграфии на стенах *текйе*. В текйе шиитского направления рядом с «Розой Мухаммеда» встречаются листья — «Спутники Плаща»: Али, Хасан, Хусейн, Фатима [57]. В этих изображениях Роза также является символом сердца, осененного благодатью *барака*.

Это значение розы ясно выражено в агиографическом сочинении Шейха Афляки «Манакиб-уль-'Арифин». Супруге Мевланы Джелаледдина Руми достается букет цейлонских роз, в которых чудесная сила. Мевлана говорит ей: «...Храни этот букет и не показывай его непосвященному, ибо те, кто принес его тебе в дар,— райские невидимые существа, обитатели Садов чудного сада Ирем, духовные учителя Индии (*Актаб*, мн. ч. слова *кутб*). Розы эти принесут безмятежность духу и душе и свет глазу и телу твоим. Во имя Бога храни их, чтоб дурной глаз не осквернил их!» [58]

Одну рукопись музея Топкапы-Сарай в Стамбуле украшает миниатюра, на которой изображен пророк Аййуб, сидящий под пальмой и принимающий розу из рук ангела [59]: пальма — символ небесной жизни, духовной пищи [60], а роза означает посвящение, как и во многих мистических стихах. В «Диван-и Кебир» Мевлана Джелаледдина Руми, к примеру, встречаются такие стихи:

«В окровавленном покрове любви таятся розы...
вырви из сердца своего шипы жизни,
Лишь тогда ты откроешь розовые сады в душе своей» [61].

Вот еще отрывок из «Дивана» Шаха Исмаила Сефеви, писавшего по-турецки под псевдонимом Хата'и, стихи, полные мистики:

«В кустарнике расцвела роза и стала она подругой Шаха ('Али). С предвечных времен она была таинством Шаха, а теперь она стала участницей в таинстве...» [62].

В обоих случаях роза символизирует посвящение.

Вернемся к значению *лалэ* в строках Неджати: «Не пустили лалэ на пир розы, ибо он нездешний: чужой он царству сада». Пир розы представляет собор посвященных. Тюльпану (лалэ) там нет места, потому что он не из числа посвященных; он пришел из пустыни, противопоставленной розовому Саду, собору посвященных, который здесь, может быть, отождествляется с текйе дервишей. Тот же смысл в уже приводившихся стихах Рушени: «Мак не пожелал... преклонить голову перед розой, поэтому он сгорел...» И здесь лалэ — олицетворение непосвященного, а роза символизирует человека, идущего путем истины.

Выше приводились строки из стихов Баки:

«О сердце мое: Хочешь быть веселым и радостным, как роза,
Не подражай лалэ: не выпускай кубок из рук твоих, о сердце!»

Здесь роза означает сердце полное, словно кубок, Вина Веры, а лалэ, выпустивший кубок из рук, является сердцем, еще не тронутым благодатью.

Нетрудно понять и полные иносказательного смысла стихи Шейхи, восклицавшего: «...Разум наш, подобный лалэ, страдает».

Здесь также лалэ представляет непосвященное, страждущее сердце, тогда как роза — безмятежное сердце, осененное благодатью.

Изучение термина *лалэ* дает нам возможность понять развитие его смысла: сначала общее значение 'дикий цветок', затем более узкое — 'красный полевой цветок', мак или анемона. Именно с этим, более поздним значением лалэ вошел

в мистическую литературу как «кровавый цветок» и стал «цветком страдания», символом сердца, стремящегося к посвящению и к Божеству.

Лалэ приобрел значение определенного цветка, декоративного тюльпана, в Турции в эпоху тюльпанов. Лалэ-тюльпан — турецкое явление, перешедшее в Персию, где тюльпан стал поэтическим образом, передающим прелесть румянца любимого существа. В этом значении и встретились с ним западные переводчики. Вот почему термин *лалэ*, обладающий столь разными и богатыми значениями в классической персидской и турецкой литературе, всегда стереотипно переведен как 'тюльпан'.

Примечания

[1] В основу этой статьи положен текст, опубликованный на французском языке в «Journal Asiatique» (1967). Paris, 1968. P. 341—360.

[2] Здесь и далее перевод автора. Ср.: *Arberry A. J.* Fifty Poems of Hafiz, Cambridge, 1947. P. 58, строки 1—2.

[3] *Bombaci A.* Histoire de la litterature turque. Paris, 1968. P. 113, 212.

[4] Цитируется по упомянутой книге А. Бомбачи (с. 145). Автор ссылается на факсимильное издание *А. С. Бевериджа* (Лондон — Лейден, 1905. Л. 136а). Но перевод следует исправить, так как для Бабура лалэ обозначал не тюльпан, а скорее дикий цветок.

[5] См.: Enciclopedia Italiana. Roma, 1937—1945. T. 34. P. 471 (tulipano).

[6] Бурхан-и Кати', изд. М. Мо'ин, 2-е изд. Тегеран, 1342. Ст. «Лалэ».

[7] *Vullers J. A.* Lexicon Persico-Latinum etymologicum. Bonn, 1855. Ст. «Lâle».

[8] *Desmaisons J.-J.-P.* Dictionnaire persan-francais. Rome, 1913. (Lale).

[9] *Hafiz.* Ed. Quazvini. P. 251 (строки 5—6).

[10] *Дехкода А. Э.* Лугатнамэ. Вып. 14. Тегеран, 1330. С. 59—65.

[11] Там же. С. 62, стб. 3. По преданию, когда отрубили голову Сийавушу, из его крови вырос цветок (*Massé' H.* Firdousi et l'épopée nationale. Paris, 1935. P. 115).

[12] См.: *Дехкода.* Указ. раб. С. 64, стб. 2, С. 56, стб. 2, стб. «Лал» (Дехкода приводит примеры, взятые у Рудаки, 'Унсури' и т. д., в которых присутствует форма *лал*); *Zenker J. Th.* Turkisch-Arabish-Persisches Handworterbuch. Leipzig, 1866 (здесь также приведена форма *лал* 'гранатовый', 'рубиновый'. См. ст. «Лал».

[13] *Дехкода.* Указ. раб. С. 61, стб. 2.

[14] Термин *ал* встречается в пехлеви (см.: *Benveniste E.* Le dieu Ohrmazd et le démon Albasti//Asiatique, XLVIII, 1960. P. 70—71. По мнению Анри Массэ, алалэ может быть сокращенной формой ал лалэ 'красный (дикий) цветок'.

[15] *Дехкода.* Указ. раб. С. 63, стб. 3.

[16] Ценкер путает анемону с маком: он переводит словом «анемона» термины *лалэ, шака'ик, ну'ман*, и даже *гелинджик чичеги*, который является обычным названием мака в Турции.

[17] *Barbier de Meynard A. C.* Dictionnaire francais-turc. Paris, 1886. Ст. «Lâle».

[18] *Redhouse J. W.* A Turkish and English Lexicon. Константинополь, 1921. Ст. «Lâle». Расходясь с Ценкером, Редхаус различные сорта лалэ переводит на английский словом согрорру (мак), а анемоны не упоминает.

[19] О тюльбенде см.: *Дехкода.* Указ. соч. С. 64, стб. 1. Дехкода ссылается на сочинение Замахшари, написанное в 1150—1220 гг., в котором *дюльбенд* обозначает «тюрбан без бахромы» (дестар би рише).

[20] *Pakalin Mehmed Zeki.* Osmanli Tarih Deyimleri ve Terimleri Sözlügü. Vol. III, Istanbul, 1956. S. 537—539 (Tülbend Ağasi, Tülbend golami, Tulbend oğlani).

[21] *Dayigil, Feyzallah.* Istanbul cinilerinde Lâle//Valkiflar Dergisi, 1. Ankara, 1938. S. 83—90. Тюльпан появляется на керамике в первой половине XVI в. Но уже в эпоху Сельджукидов дикий тюльпан стал элементом орнамента: в музее Акшехира, например, сохранилась сельджукская керамика XIII в. с черной росписью на синем фоне, на которой изображен молодой аист, окруженный тюльпанами.

[22] Подобные «Лалэнамэ» можно найти в Венской национальной библиотеке (№ 1532, не внесенный в каталоги), в Народной библиотеке Стамбула (A. E. Tabiiey, № 157, 158, 159, 171, 172, 173) и т. д. Одна из самых лучших «Лалэнамэ» хранится в частной коллекции Экрема Хаккы Айверди в Стамбуле. Она датирована 1725 г. и украшена многими миниатюрами, подписанными известными миниатюристами времен Ахмеда III, самым знаменитым из которых был Левни. См.: *Ayverdi E. H.* XVIII asirda Lale. Istanbul, 1950.

[23] *Arseven C. E.* Sanat Ansiklopedisi. Vol. III, Istanbul, 1950 (Lale, S. 1219); *Pakalin M. Z.* Op. cit. V. II. Istanbul, 1952. S. 355.

[24] Цитируется по кн.: *Дехкода.* Лугатнамэ. С. 60, стб. 2.

[25] *Mokri M.* Le Chasseur de Dieu et le mythe du Roi-Aigle (Давра-й Дамйари). Wiesbaden, 1967. P. 27—28.

[26] *Дехкода.* Лугатнамэ. С. 62, стб. 3; *Massé H.* Op. cit. P. 115.

[27] *Melikoff I.* Abu Muslim, le «Porte-Hache» du Khorassan, dans la tradition épique turco-iranienne. Paris, 1962.
[28] *Амир-э Хосрау-э Делхеви.* Меджнун и Лейла. Москва, 1964. С. 178, строка 1.
[29] Там же. С. 128, строка 2.
[30] *Fuzuli.* Leyla ile Mecnun/Ed. Necmettin Halil Onan. Istanbul, 1956. P. 83. (стихи 813, 815—815).
[31] Ibid. S. 87. (стих 860).
[32] Ibid. S. 117 (стих 1154).
[33] Ibid. S. 124 (стих 1224).
[34] *Baki.* Ed. Nevzat Yesirgil. Istanbul, 1953 (Varlik yayinlari, № 182). S. 125.
[35] Ibid. S. 115.
[36] *Oytan M. T.* Bektasiligin icyüzi. I. Istanbul, 1956. S. 117.
[37] *Kocatürk V. M.* Türk Edebiyati Antolojisi. Ankara, 1967. S. 179—280.
[38] *Bombaci A.* Histoire de la littérature turque. Paris, 1968. P. 118—119; *Бертельс Е. Э.* Навои. Опыт творческой биографии. М.; Л., 1948. *его же.* Роман об Александре. Л., 1948; *Боровков А. К.* Алишер Навои как основоположник современного узбекского языка//Алишер Навои. Ташкент, 1940.
[39] *Baki.* Ed. Nevzet Yesirgil. S. 46.
[40] *Kocatürk V. M.* Divan Siiri Antolojisi. Istanbul, 1954. S. 54.
[41] *Karahan Ad.* Kanuni Sultan Süleyman cagi sairlerinden. Figani ve Divancesi. Istanbul, 1966. Istanbul Universitesi Edebiyat Fakultesi yayinlari. № 1181. S. 65.
[42] Ibid. S. 122.
[43] Своим красным цветом *лалэ* напоминает огонь; он — «цветок огненного цвета», *азергюн* (*Деххода.* Лугатнамэ. С. 62. стб. 1). Азергюн является также названием красной анемоны (*Zenker J. Th.* Türkisch-Arabisch-Persisches Handworterbuch см. azergu).
[44] *Hāfiz.* Ed. Qazvini. P. 149 (строки 5—6).
[45] Ibid. P. 42 (строки 1—2).
[46] Divan siiri: XV—XVI yüzyillar. Ed. Gölpinarli, Ab. Istanbul, 1954. Varlik yayinlari, № 296. S. 94.
[47] Ibid. S. 19, 80.
[48] *Karahan A.* Op. cit. S. 117.
[49] Ibid. S. 96.
[50] *Aksel M.*T ürklerde dini resimler. Istanbul, 1967. S. 99.
[51] *Kocatürk V. M.* Divan Siiri Antolojisi. S. 26.
[52] *Fuzuli.* Leylâ ile Mecnun. S. 279 (строки 2824, 2826—2827).
[53] Divan siiri: XV—XVI yüzyillar. S. 69—70; *Kocatürk V. M.* Divan Siiri Antolojisi. S. 16.
[54] *Baki.* Op. cit. S. 74.
[55] Ibid. S. 78.
[56] Divan Siiri: XV—XVI yüzyillar. S. 47.
[57] *Aksel M.* Op. cit. S. 145—146.
[58] Manakib-al-'Arifin. Ed. Yazici T. Ankara, 1959, 1.
[59] Репродукция этой миниатюры находится в книге: *Stchoukine I.* La peinture turque d'aprés les manuscrits illustres, lére partie: de Sulayman 1er á Osman II, 1520—1622. Bibliotheque Archéologique et Historique de l'Institut francais d'archeologie de Beyrouth, t. LXXXIV. Paris, 1966. Pl. 54. (цит. по *Локман.* Сильсилэх-намэ, 991/1583, рук. Музея Топкапы Сарайы, Хазинэ 1321, л. 24).
[60] *Corbin H.* Terre céleste et Corps de R'esurrection: de l'Iran Mazd'een 'a l'Iran shiite. Paris, 1960. P. 213—214.
[61] *Джелал-уд-дин Руми.* Диван-э шамс-э Табризи. Тегеран, 1958—1962. № 132.
[62] Цитируется по кн.: *Bombaci A.* Op. cit. S. 201.

The Flower of Suffering

On the basis of Oriental literature and ethnographical data the mystical poetry, closely connected with the ancient religious cults is analysed. The poetic images of a rose, a tulip and a poppy are reconstructed as encoded messages of Sufic doctrine.

I. I. Melikoff